

ДАЙДЖЕСТ
ОБ ОТДЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ, РАЗМЕЩЕННОЙ
НА САЙТЕ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

<i>Практика применения гражданского законодательства</i>	<i>2</i>
<i>Несостоятельность (банкротство)</i>	<i>5</i>

Практика применения гражданского законодательства

1. Непредъявление кредитором требования к должнику о выплате неустойки за определенный период не лишает этого кредитора права на получение этой неустойки за следующий период вплоть до того момента, когда должник исполнит обязательство;

Отсутствие заявления кредитора о взыскании с должника мораторных процентов и (или) неустойки не лишает такого кредитора права на получение мораторных процентов

Общества обратились в арбитражный суд с иском к банку о взыскании неосновательного обогащения и процентов по статье 395 ГК РФ.

Банк обратился в арбитражный суд со встречным иском к Обществам о взыскании задолженности.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, первоначальный иск удовлетворен, в удовлетворении встречного иска отказано.

Суды пришли к выводу о пропуске банком срока давности и истечения срока действия поручительства.

Суды пришли к выводу о безосновательном получении банком от соистцов сумм мораторных процентов ввиду того, что обязанность по выплате мораторных процентов представляет собой трансформацию обязанности по выплате финансовых санкций, а банк не требовал взыскания неустоек ни с основного должника, ни с его поручителей.

Судебная коллегия пришла к следующим выводам.

Требования кредитора к должнику, подлежащие включению в реестр требований кредиторов (в том числе и о выплате неустоек за просрочку исполнения денежных обязательств), формируются его волей.

В то же время мораторные проценты на сумму требований конкурсного кредитора начисляются вне зависимости от волеизъявления кредитора и по единым для всех кредиторов правилам.

Более того, непредъявление кредитором требования к должнику о выплате неустойки за определенный период не лишает этого кредитора права на получение этой неустойки за следующий период вплоть до того момента, когда должник исполнит обязательство.

Таким образом, отсутствие заявления кредитора о взыскании с должника мораторных процентов и (или) неустойки не лишает такого кредитора права на получение мораторных процентов.

Банк получил от обществ денежные средства в счет уплаты ими мораторных процентов. Спор сторон в целом свелся к решению вопроса о праве банка на эти деньги.

Право на мораторные проценты возникло у банка в силу закона и своевременно реализовано им. Убедительных доводов и доказательств, опровергающих обоснованность размера полученных банком сумм процентов, не представлено.

Следовательно, вопреки выводам судов, нет оснований для квалификации получения банком причитающегося ему исполнения от обществ как неосновательное обогащение по статье 1102 ГК РФ.

[Определение № 305-ЭС25-14722 от 15.05.2026](#)

[\(по делу № А40-185573/2024\)](#)

2. ВС РФ напомнил: в случае реконструкции предмета залога, его переработки или иного изменения, в результате которых создано или возникло новое имущество, принадлежащее залогодателю, залог сохраняется, если иное не установлено законом или соглашением сторон

Фонд защиты вкладчиков обратился в арбитражный суд с иском к Обществам о взыскании денежных средств и обращении взыскания на предмет ипотеки.

При новом рассмотрении решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены частично.

Постановлением апелляционного суда, оставленным без изменения судом округа, решение суда изменено. Иск о взыскании денежных средств удовлетворен в полном объеме, в обращении взыскания на предмет ипотеки отказано.

Правовая позиция суда первой инстанции.

Установлена обоснованность требования Фонда в части суммы, полученной вкладчиками зарубежной кредитной организации компенсационной и дополнительной компенсационной выплаты.

Отказывая в обращении взыскания на нежилое строение, суд первой инстанции исходил из правового регулирования субъекта федерации.

Согласно соответствующей норме, установленные ранее ограничения (обременения) прав на территории субъекта федерации сохраняются до 01 января 2017 года, а сведения об ограничениях (обременениях) права в отношении недвижимого

имущества, на которое Фонд заявляет требования об обращении взыскания, в ЕГРН не внесены.

Правовая позиция судов апелляционной и кассационной инстанций.

Фонд обладает правом на взыскание с ответчика полной суммы его задолженности перед зарубежной кредитной организацией.

Суды сослались на неприменимость законодательства Российской Федерации о залоге в части установления ничтожности незарегистрированного договора залога к договорам ипотеки, заключенным в соответствии с законодательством зарубежного государства, при реализации Фондом приобретенных им прав кредитора в отношении лиц, передавших свое имущество в залог в обеспечение исполнения обязательств должников кредитных учреждений, вкладчики которых получили от Фонда соответствующие компенсационные выплаты.

Суды также руководствовались заключением эксперта, согласно которому эксперт пришел к выводу о невозможности определения рыночной стоимости объекта, являющегося предметом ипотеки, поскольку оцениваемое здание прекратило свое существование и перестроено в новый действующий современный автозаправочный комплекс с иными техническими показателями.

На основании изложенного суды апелляционной инстанции и округа пришли к выводу о прекращении ипотеки в связи с гибелью заложенного имущества.

Судебная коллегия пришла к следующим выводам.

В ходе рассмотрения спора в судах первой и апелляционной инстанций, ответчик, возражая против удовлетворения иска, в т.ч. в части обращения взыскания на нежилое строение, не ссылаясь на его гибель, частичную утрату или повреждение.

Им также не ставилась под сомнение идентичность предмета ипотечного договора и объекта, на который Фонд требовал обратить взыскание, обращаясь в арбитражный суд с настоящим иском.

Более того, в возражениях против назначения по делу судебной экспертизы, поступивших в суд первой инстанции, ответчик заявлял об отсутствии какого-либо спора о стоимости предмета ипотеки.

Таким образом, гибель предмета залога не может считаться доказанной обществом и, следовательно, не может являться основанием для вывода о прекращении залога и для принятия судебного акта об отказе в иске.

Иск в этой части подлежал удовлетворению.

При этом необоснованной является и ссылка судов на заключение эксперта как на доказательство гибели спорного строения.

Определением апелляционного суда на разрешение эксперта был поставлен только вопрос о рыночной стоимости спорного нежилого строения с учетом физического износа на момент оценки.

Следовательно, исходя из нормы подпункта 8 пункта 2 статьи 86 АПК РФ о том, что в заключении эксперта должны содержаться выводы по поставленным вопросам и их обоснование, у суда апелляционной инстанции не было оснований ссылаться на вывод эксперта о том, что нежилое строение прекратило свое существование и было перестроено, поскольку данный вопрос перед экспертом судом не ставился.

[Определение № 310-ЭС25-14720 от 19.05.2026](#)

[\(по делу № А83-8763/2020\)](#)

Несостоятельность (банкротство)

3. При наличии у должника объективных признаков банкротства, эмитированные им акции, представляют собой неликвидный актив, за счет стоимости которого невозможно обеспечить исполнение судебного решения о взыскании;

Принятие обеспечительных мер в отношении таких акций, принадлежащих субъекту федерации, недопустимо, поскольку фактическое исполнение судебного акта гарантировано средствами бюджета такого субъекта

В деле о банкротстве общества рассматривается заявление о привлечении к субсидиарной ответственности ряда лиц, в том числе Министерства земельных и имущественных отношений и регионального фонда.

В рамках данного спора кредитором – подано заявление о принятии обеспечительных мер в виде ареста эмитированных должником обыкновенных именных акций, принадлежащих региональному фонду, и запрета Министерству отчуждать, передавать в залог и иным образом обременять выпущенные должником обыкновенные акции, находящиеся в собственности субъекта федерации.

Заявление о принятии обеспечительных мер удовлетворено.

Должник, министерство и региональный фонд оспорили данный судебный акт. Судами трех инстанций в удовлетворении заявления об отмене обеспечительных мер отказано.

Суды исходили из того, что сохранение обеспечительных мер гарантирует исполнение судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности,

а обстоятельства, послужившие основаниями для принятия обеспечительных мер, не отпали.

Спорные обеспечительные меры в отношении акций, эмитированных самим должником, лишь запрещают распоряжение этими акциями, они не изымаются у собственников, последние не ограничиваются в праве пользования.

Судебная коллегия пришла к следующим выводам.

Необходимым элементом возложения на контролирующее лицо субсидиарной ответственности является наличие у подконтрольного общества признаков объективного банкротства.

Если такие признаки у должника, действительно, имеются, то эмитированные им акции, в отношении которых введены обеспечительные меры, представляют собой неликвидный актив, за счет стоимости которого в принципе невозможно обеспечить исполнение судебного решения о взыскании.

Более того, в случае удовлетворения соответствующего заявления исполнение будет производиться путем обращения взыскания на средства бюджета субъекта федерации, а не на иное имущество публично-правового образования.

Таким образом, фактическое исполнение гарантировано средствами бюджета субъекта Российской Федерации.

Необходимость введения каких-либо дополнительных гарантий отсутствовала.

Следовательно, суд первой инстанции принял обеспечительные меры, не отвечающие предназначению института обеспечения. Такие меры подлежали безусловной отмене.

Министерство также верно указывало на то, что данные меры, по сути, направлены на неправомерное воспрепятствование поиску инвестора, готового вложить средства в оздоровление должника, путем приватизации его акций на основании постановления Правительства субъекта «О внесении изменений в прогнозный план (программу) приватизации государственного имущества».

Сама по себе смена акционера должника после возбуждения дела о его банкротстве не затрагивает имущественную сферу гражданско-правового сообщества кредиторов, поскольку не уменьшает конкурсную массу, не освобождает от субсидиарной ответственности прежних акционеров за ранее совершенные действия (бездействие).

Это свидетельствует об отсутствии связи принятых обеспечительных мер с предметом заявленного по обособленному спору требования.

[Определение № 309-ЭС25-8869 \(2, 3\) от 15.05.2026](#)

[\(по делу № А07-3960/2024\)](#)

4. Применение в отношении управляющего мер пресечения, которыми он изолирован от общества, не позволяет ему осуществлять возложенные на него полномочия по управлению должником, в связи с чем взыскание в его пользу стоимости услуг фактически им не оказанных, исходя из периода нахождения в должности управляющего, недопустимо

В рамках дела о банкротстве общества физическое лицо как правопреемник трех лиц, в разное время исполнявших обязанности конкурсного управляющего обществом, обратилось в арбитражный суд с заявлением об установлении суммы процентов по вознаграждению управляющего.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в отношении каждого из физических лиц установлено процентное вознаграждение.

Разрешая спор, суды исходили из того, что в рассматриваемом случае каждый последующий управляющий продолжал работу предыдущего и без осуществления действий, предпринятых всеми управляющими, было бы невозможным получение существующего итогового результата.

Суды распределили процентное вознаграждение между управляющими пропорционально периодам полномочий каждого из них. При этом суды не исключили из периода полномочий одного из экс-управляющих время нахождения его под стражей и под домашним арестом, отметив, что в это время осуществлялись мероприятия, предусмотренные законодательством о банкротстве.

Судебная коллегия пришла к следующим выводам.

В рассматриваемом случае в период конкурсного производства в отношении физического лица по судебным решениям применялись меры пресечения сначала в виде заключения под стражу, а затем в виде домашнего ареста.

Данные меры состояли в лишении обвиняемого (подозреваемого) свободы с помещением его в специальное закрытое учреждение и нахождении обвиняемого (подозреваемого) в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля.

Кроме того, как указывал кассатор, суд запретил физическому лицу в период нахождения под домашним арестом отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, использовать средства связи и телекоммуникационную сеть «Интернет».

Если утверждения кассатора соответствовали действительности, в указанный им период физическое лицо было лишено возможности исполнять полномочия по

управлению должником как в той части, которую он обязан выполнить лично, так и в той, которую он мог перепоручить третьим лицам.

Так, в частности, находясь под стражей и домашним арестом, управляющий не имел возможности своевременно давать привлеченным им специалистам поручения, организовывать и координировать их деятельность, осуществлять контроль за работой специалистов, оперативно получать информацию о текущем состоянии процедуры банкротства и вовремя реагировать на происходящие события.

Наложение ограничений, связанных с применением мер пресечения, по сути, привело к фактическому устранению конкурсного управляющего от руководства текущей деятельностью должника и передаче контроля над последним привлеченным управляющим специалистам.

При наделении привлеченных лиц таким объемом полномочий, выходящим за пределы допустимого делегирования, управляющий не вправе требовать выплаты вознаграждения за фактически неотработанное им время.

Распределив процентное вознаграждение между тремя управляющими пропорционально формальным периодам нахождения их в должности конкурсного управляющего, суды взыскали в пользу управляющего стоимость услуг, которые он не оказал, что противоречит положениям пункта 1 статьи 779 ГК РФ.

[Определение № 305-ЭС17-19680 \(9\) от 15.05.2026](#)

[\(по делу № А40-221705/2015\)](#)

5. Установленный Законом о банкротстве порядок погашения Фондом требований текущих кредиторов, применим и к случаям, когда у должника не осталось какого-либо имущества после передачи объектов Фонду

В рамках дела о банкротстве застройщика, Фонд обратился в арбитражный суд с заявлением о намерении стать приобретателем прав несостоятельного общества на два земельных участка с находящимися на них объектами незавершенного строительства, а также прав на проектную документацию.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, заявление о намерении удовлетворено. На Фонд возложена обязанность перечислить на специальный банковский счет общества денежные средства.

Суды пришли к выводу о наличии у фонда обязанности по погашению всех текущих обязательств общества.

Суды сослались на постановление КС РФ № 34-П.

Доводы фонда о том, что максимальная сумма удовлетворяемых им обязательств ограничена пунктом 5 статьи 201.10 Закона о банкротстве (в действующей с 8 сентября 2024 г. редакции), суд апелляционной инстанции отклонил.

Суд счел, что предельный размер применим только для случаев, когда у должника – застройщика после передачи объектов остается иное имущество, за счет стоимости которого могут быть исполнены текущие обязательства.

В рассматриваемом деле у общества не имелось иных активов, кроме переданных фонду.

Суд округа, соглашаясь с выводами судов, дополнительно отметил, что, по сути, именно фонд заблокировал попытки завершения строительства путем привлечения потенциальных инвесторов, настаивал на открытии конкурсного производства, его действия стали причиной роста задолженности перед администрацией городского округа, составляющей основную часть текущих платежей.

Судебная коллегия пришла к следующим выводам.

Для погашения требований текущих кредиторов и реестровых кредиторов первой и второй очередностей удовлетворения, фонд вносит на специальный банковский счет денежные средства в следующих суммах:

- в отношении текущих требований: о выплате выходных пособий и об оплате труда лиц, работающих непосредственно на объекте незавершенного строительства, – в полном размере;

- иных текущих требований – в размере превышения их совокупного размера над стоимостью имущества застройщика, которое остается у него после передачи объектов фонду; предельный размер этих денежных средств – 5% от цены передаваемых фонду объектов;

- в отношении реестровых требований кредиторов первой и второй очередностей удовлетворения – в размере превышения совокупного размера указанных требований над стоимостью имущества застройщика, которое остается у него после передачи объектов фонду; предельный размер этих денежных средств – 10% от цены передаваемых фонду объектов.

Вопреки выводам судов данный порядок расчета применим и к случаям, когда у должника не осталось какое-либо имущество после передачи объектов фонду.

В такой ситуации обязательства фонда по перечислению денежных средств не уменьшаются на стоимость остающегося у должника имущества, которая равна нулю, но при этом сохраняют действие 5 и 10-процентные лимиты в отношении производимых фондом выплат.

6. При доказанности отсутствия осведомленности уполномоченного органа о противоправном характере совершенной сделки, заявление конкурсного управляющего о ее оспаривании, не подлежит удовлетворению

В рамках дела о банкротстве общества конкурсный управляющий должника обратился с заявлением о признании недействительным договора пожертвования, заключенного между должником и Министерством, и применении последствий его недействительности в виде обязанности Министерства возратить должнику обыкновенные именные бездокументарные акции и обязанности регистратора внести соответствующие изменения в реестр акционеров.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционного суда, в удовлетворении требований отказано.

Суд округа направил обособленный спор на новое рассмотрение, отменив акты нижестоящих судов.

Разрешая спор, суды первой и апелляционной инстанций исходили из недоказанности совокупности условий для признания оспариваемой сделки недействительной как по общегражданским, так и по банкротным основаниям.

Судами установлено, что оспариваемый договор заключен с общепользой целью, что не позволяет полагать прикрытие им какой-либо иной противоправной сделки, а Министерство при принятии пожертвования действовало добросовестно, и не было осведомлено о наличии у должника неисполненных финансовых обязательств.

Кроме того, суды пришли к выводам о том, что совершение оспариваемой сделки не повлекло причинения ущерба имущественным правам кредиторов должника и на дату совершения сделки у должника не имелось признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества.

Суд округа не опроверг правильности выводов о недоказанности совокупности условий для признания оспариваемой сделки недействительной по общегражданским основаниям.

Указал на допущенные нарушения норм процессуального права при сборе и оценке доказательств для проверки обоснованности требования управляющего по специальным банкротным основаниям.

В частности, судом округа указано на то, что наличие или отсутствие на дату совершения сделки признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества

должника относится к вопросу права, подлежащему разрешению судом самостоятельно на основании представленных в материалы дела доказательств, и не может передаваться на разрешение эксперта.

Суд кассационной инстанции также нашел противоречивыми выводы нижестоящих судов о нулевой цене спорных акций, дополнительно отметив, что бремя доказывания стоимости акций возлагается на ответчика.

Судебная коллегия пришла к следующим выводам.

Судом округа факт недоказанности осведомленности Министерства об ущемлении прав кредиторов должника в результате совершения оспариваемой сделки не поставлен под сомнение, каких-либо конкретных доказательств, не получивших надлежащей правовой оценки со стороны судов первой и апелляционной инстанций, не приведено.

В обжалуемом постановлении указано лишь на то, что Министерство являлось мажоритарным акционером должника.

Однако судом кассационной инстанции не учтено, что в отдельных случаях публично-правовые образования приобретают контрольные пакеты акций не столько в целях реализации имущественных прав акционера, а, как в данном случае, для выполнения публично-правовых функций контроля за социально значимыми отраслями.

Судами установлено и никем не оспаривается общественно полезная цель совершения сделки.

Таким образом, участие Министерства в капитале должника в данном случае не может являться достаточным основанием для презюмирования его осведомленности об ущемлении интересов кредиторов.

Судом округа не учтено, что предусмотренная абзацем первым пункта 2 статьи 61² Закона о банкротстве презумпция является опровержимой.

В данном споре судами первой и апелляционной инстанций установлены обстоятельства добросовестности поведения Министерства при совершении оспариваемой сделки, его осмотрительности, исследованы мотивы принятия акций в собственность. Суды также приняли во внимание пояснения относительно отсутствия каких-либо источников информации, из которых оно могло бы прийти к выводу о тяжелом финансовом положении должника.

Суд кассационной инстанции в обжалуемом постановлении не привел мотивов в обоснование отклонения поведения Министерства от общепринятого стандарта.

В условиях обычного оборота принятие пожертвования не может обуславливаться проверкой имущественного положения жертвователя.

Таким образом, осведомленность Министерства о цели совершения сделки отсутствует и этого обстоятельства достаточно для отклонения заявления конкурсного управляющего.

[Определение № 306-ЭС25-14981 от 14.05.2026](#)

[\(по делу № А65-18392/2019\)](#)

7. В ситуации, когда в пределах срока действия поручительства судом общей юрисдикции по иску кредитора поручительство признается существующим и подлежащим исполнению, правовые основания считать реализуемое кредитором включение требования в реестр ненадлежащим способом восстановления обязательства к поручителю, отсутствуют

В деле о несостоятельности (банкротстве) должника Банк подал заявление о включении в реестр требования с ходатайством о восстановлении срока на предъявление.

Определением суда первой инстанции срок для предъявления требования восстановлен, требование включено в третью очередь реестра.

Апелляционный суд, с выводами которого согласился суд округа, отменил определение нижестоящего суда, и отказал в удовлетворении заявления.

Суд первой инстанции установил соблюдение двухмесячного срока на подачу заявления с момента вступления в законную силу судебного акта о признании сделки недействительной, отклонил возражения должника и кредитора о прекращении поручительства должника и недобросовестности Банка при получении от общества оспоренного платежа.

В этой связи срок на подачу заявления был восстановлен, а само заявление – удовлетворено.

Апелляционный суд и суд округа, в свою очередь, исходили из обоснованности вышеуказанных возражений.

Судебная коллегия пришла к следующим выводам.

В пределах срока действия поручительства суд общей юрисдикции по иску банка признал поручительство существующим и подлежащим исполнению, поэтому в такой ситуации у апелляционного суда отсутствовало основание считать реализуемое банком включение требования в реестр ненадлежащим способом восстановления обязательства к поручителю (должнику).

По общему правилу поручительство прекращается с прекращением основного обязательства.

В частности, поручительство прекращается в результате надлежащего исполнения должником обязательства перед кредитором.

Признанное недействительным исполнение не прекратило обязательства перед банком как общества, так и поручителя (должника).

Более того, к восстановленному требованию в ином деле не применено понижение очередности – оно включено в третью очередь реестра общества, что подтверждает признание отсутствия недобросовестности банка в предпочтительном получении от общества платежа.

Соответственно, такие же правила о восстановлении обязательства и определении очередности в реестре должны применяться и в отношении поручительства должника в деле о его банкротстве.

Примененный же апелляционным судом подход привел к освобождению должника от исполнения обязательства в отсутствие законного основания для прекращения поручительства.

[Определение № 305-ЭС25-14181 от 19.05.2026](#)

[\(по делу № А40-281660/2023\)](#)

8. Цедент, уступая требования по одному из солидарных обязательств, по общему правилу, уступает также требования и к другим известным ему солидарным должникам; иное может следовать из договора цессии;

При этом заинтересованные лица вправе опровергнуть соответствующую презумпцию, доказав, что включение в договор подобного подразумеваемого условия вступит в противоречие с общими требованиями к добросовестности гражданско-правового поведения

В рамках дела о банкротстве общества определением суда первой инстанции одно физическое лицо было заменено на другое по требованию о привлечении лиц, контролирующих общество, к субсидиарной ответственности.

Постановлением апелляционного суда, оставленным без изменения судом округа, акт суда первой инстанции оставлен без изменения.

Суд первой инстанции счел, что другое физическое лицо, приобретая требования к заемщику, в силу закона приобрел требования к поручителю.

Соглашаясь с общим выводом суда первой инстанции о необходимости осуществления процессуальной замены, суд апелляционной инстанции исходил из того, что в размер субсидиарной ответственности включается совокупный объем непогашенных

требований кредиторов, который признается предполагаемым объемом вреда, причиненного контролирующим должника.

При этом включенное в реестр обязательство должника перед кредитором и обязательство контролирующего лица из субсидиарной ответственности являются солидарными, поскольку они направлены на защиту одного и того же экономического интереса кредитора.

Равным образом, солидарными являются основное и обеспечивающее обязательства.

Следовательно, солидарными признаются обязательство из субсидиарной ответственности лица, контролирующего должника по основному обязательству, само основное обязательство и обязательство поручителя по этому основному обязательству.

Предоставление исполнения по любому из указанных обязательств производит погашающий эффект в отношении двух других.

Коль скоро лицо приобрело требование из субсидиарной ответственности к лицам, контролирующим заемщика, к нему перешло и требование из субсидиарной ответственности к лицам, контролирующим поручителя.

Судебная коллегия пришла к следующим выводам.

Суды первой и апелляционной инстанций, рассматривая ходатайство о процессуальной замене, не установили обстоятельства, имеющие существенное значение для его правильного разрешения.

Так, суды не установили, какие именно требования кредиторов в деле о банкротстве общества вошли в состав субсидиарной ответственности контролировавших его лиц и какие конкретно требования, заявленные в деле о банкротстве компании, принимались к расчету при исчислении размера субсидиарной ответственности лиц, контролировавших компанию.

Без исследования и оценки данных фактических обстоятельств невозможно сделать правильный вывод о том, направлены ли уступленные требования, на удовлетворение одного экономического интереса или нет, определить, являются ли они солидарными, тогда как именно это суждение о солидарной природе требований положено в основание обжалуемых судебных актов.

Даже если согласиться с предположением о солидарном характере всех требований и об их одновременной уступке, судам следовало мотивировать, какие фактические обстоятельства дела позволили им исключить применение к спорным отношениям положений абзаца первого пункта 4 статьи 390 ГК РФ.

В рассматриваемом случае, как установили суды, передача в пользу одного физического лица состоялась ранее передачи в пользу другого физического лица.

Его представитель полагает, что первоначально все солидарные требования, в том числе требование о субсидиарной ответственности по долгам компании, действительно, перешли к первому физическому лицу.

Однако, несмотря на это, «его бездействие в делах о банкротстве компании и иных солидарных должников» является «формой его решения о (последующей) продаже (первоначального физического лица) требования о субсидиарной ответственности по долгам компании и всех солидарных с ним требований» другому физическому лицу.

Вместе с тем судами не установлены фактические обстоятельства дела, касающиеся того, в чем собственно выражалось бездействие первого физического лица.

Как следствие, не рассмотрен вопрос о допустимости квалификации этого бездействия в качестве волеизъявления на продажу требований другому лицу, исходя из нормы, закрепленной в пункте 3 статьи 158 ГК РФ, в соответствии с которой молчание признается выражением воли совершить сделку лишь в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон.

Согласно сложившейся судебной арбитражной практике cedent, уступая требования по одному из солидарных обязательств, по общему правилу, уступает также требования и к другим известным ему солидарным должникам.

Иное может следовать из договора цессии.

При этом заинтересованные лица вправе опровергнуть соответствующую презумпцию, доказав, что включение в договор подобного подразумеваемого условия вступит в противоречие с общими требованиями к добросовестности гражданско-правового поведения.

В частности представить свидетельства того, что подразумеваемое условие явно выходит за пределы разумных ожиданий сторон, ведет к такому пониманию сути договора, которое они с очевидностью не имели в виду.

На это могут указывать обстоятельства, при которых договор уступки был заключен.

Например, если из данных обстоятельств усматривается, что цессионарий, совершая сделку, не мог не осознавать факт отчуждения ему лишь одного из солидарных требований (только требования к конкретному контролирующему лицу о привлечении его к субсидиарной ответственности и т.д.).

В связи с этим, вступая в договор, принимал последствия такого своего решения, однако в дальнейшем вопреки честной деловой практике стал настаивать на том, то осуществил покупку всей совокупности солидарных требований ко всем должникам.

В рассматриваемом случае условие об одновременной уступке всех солидарных обязательств в тексты договоров, заключенных с физическими лицами не включено, а значит, его наличие предполагается.

[Определение № 305-ЭС20-15712 \(4\) от 20.05.2026](#)

[\(по делу № А40-76990/2017\)](#)